

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА (ДИАМП + ДАТ)

— Тип сцены: Глава состоит из трех сегментов: бытового (взаимодействие Чан Я и Цэнь Сяолу), социального (сцена в таверне, столкновение с предубеждениями) и профессионального (работа с письмами-запросами и моральный выбор).

— Проблемные зоны: В оригинале есть типичные "анатомические" описания (покраснение лица, движения рук), которые требуют переработки в естественные реакции. Сцена с "неловкой стиркой" требует тонкой передачи юношеского смущения.

— Тональность: Сначала легкая, ироничная, затем — гнетущая из-за социального давления и трагической судьбы больного ребенка.

ЭТАП 2-5: ТРАНСФОРМАЦИЯ И НАТУРАЛИЗАЦИЯ

(Применяются параметры СДПР: высокий уровень синтаксической перестройки, децензура речи сплетников, устранение избыточных местоимений).

—

Глава 34. Слухи

После вчерашней пробы домашней настойки Чан Я проснулся с тяжелой головой. Осмотрев дом и не найдя Цэнь Сяолу, он поспешил к деду.

— Дедушка, а где Цэнь Сяолу? Почему его не слышно?

— На реку ушел, стирать.

Чан Я лишь недоуменно хмыкнул. С чего бы это вдруг? Утро выдалось морозным, вода в реке — ледяная, а ведь дома есть колодец. Зачем тащиться в такую даль?

— А он завтракал?

— Нет еще. Схватил кадушку на рассвете и был таков.

Подозрения окрепли. Бросив короткое «я скоро» Чан Фуляню, Чан Я припустил к берегу. Уж очень хотелось поглядеть, что это за стирка такая важная, ради которой его шиди лишил себя сна и тепла.

Вскоре впереди показалась знакомая фигура: Сяолу сидел на корточках у самой кромки воды,

закатав рукава и остервенело теребя какую-то одежду. Чан Я, стараясь не шуметь, подкрался со спины и внезапно рывкнул прямо над ухом:

— И чем это мы тут заняты?

Обычно бдительный и чуткий, в этот раз Цэнь Сяолу вздрогнул так, словно его застучали за преступлением. От неожиданности мокрая ткань выскользнула из его пальцев и шлепнулась в реку. Обернувшись и увидев Чан Я, он прищурился, поспешно вылавливая одежду.

— Ты чего здесь?

— Тебя ищу, — Чан Я по-хозяйски устроился на прибрежном камне.

Он внимательно оглядел шиди. Тот даже не вддел в волосы подаренную ленту — то ли не понравилась, то ли бережет. Чан Я впервые в жизни дарил кому-то подарок и теперь терзался: спрашивать неловко, а не спросишь — не узнаешь. Подарок что вода, назад не воротишь, но если Сяолу он не по душе, забирать обратно будет совсем уж позором.

Впрочем, мысли о ленте быстро выветрились. Сяолу вел себя странно: он густо покраснел, а взгляд метался, избегая встречи с глазами брата.

— Чего это ты так покраснел? — ляпнул Чан Я.

— Всего нет, — буркнул Сяолу, принимаясь с удвоенной силой тереть ткань. — Ветер, наверное.

Ветер? Чан Я глянул на деревья — листья висели неподвижно. Отговорка была шита белыми нитками. Скорее уж лицо обветрилось от холода... или Сяолу совсем рассудок потерял от ледяной воды?

Глядя, как пальцы шиди судорожно цепляются за мокрое тряпье, Чан Я не выдержал. Забыв про обиды и ленты, он потянулся к кадушке, чтобы помочь и поскорее закончить с этим делом.

Но не успел он коснуться края, как Сяолу мертвой хваткой вцепился в его запястье.

— Я сам, — голос прозвучал резко, почти грубо.

— Да что с тобой такое? — Чан Я опешил от такого отпора. — Я просто хотел помочь. Глянь на свои руки, они же совсем окоченели.

— Не надо, — Сяолу потащил кадушку на другую сторону, подальше от брата. — Тут всего

ничего осталось. Иди домой.

Выставленный вон Чан Я упрямо остался на месте. Уйти сейчас означало бы потерять лицо, а этого старший брат допустить не мог.

— Не хочешь, чтобы я стирал — не буду. Посижу, посмотрю, как ты возишься.

Сяолу замер. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Чан Я невзначай заглянул в кадушку, которую шиди так старательно прятал, и округлил глаза.

— Сяолу... Ты зачем посреди зимы одеяло стираешь?

Сяолу, который начал было приходить в себя, снова вспыхнул. Он резко отвернулся.

— Неужто в постель надул? — прыснул Чан Я.

— Нет, — коротко отрезал тот, но в голосе явно не хватало уверенности.

Чан Я прикусил язык. Похоже, он и впрямь попал в больное место — бедняга Сяолу, такой гордый, а тут такой конфуз. К тому же одежда, которую он сейчас мучил в воде, была той самой, что он надел вчера. Зимой вещи сохнут вечность, никто не станет стирать их на следующий же день, если не приключилось какой беды.

Хлопнув себя по коленям, Чан Я поднялся.

— Ладно, стирай дальше. А я пойду, а то в животе уже урчит.

Он решил проявить благородство и оставить Сяолу наедине с его позором, пока тот окончательно не вышел из себя. По пути домой Чан Я даже умилился собственной чуткости — надо же, как бывает.

Если бы Сяолу знал, какие оправдания строит в голове его названный брат, он бы вряд ли сказал «спасибо». Ополоснув одежду в реке, он угрюмо смотрел на блики воды. Пускай считает что хочет. Все равно скоро Чан Я и сам всё поймет.

Несколько дней спустя они зашли в местный трактир. Свободных мест почти не было, и им пришлось устроиться неподалеку от помоста, где сказитель, не жалея связок и слюны, вещал о подвигах великих героев прошлого. Народ слушал, затаив дыхание: мужчины пылали воинственным духом, а девушки бросали восхищенные взгляды на воображаемых рыцарей. Чан

Я и сам заслушался — в душе каждого мальчишки живет мечта о подвигах.

Он лениво грыз семечки, пока до его слуха не донеслись обрывки разговора за соседним столом.

— Да говорю тебе, выродок это.

— И не поспоришь. У здоровых людей таких детей не рождается.

— Таких и в мир пускать не стоит. Только грех на душу брать, да и мука одна.

— А ты сам-то видел?

— Своими глазами — нет, но родичи мои с той семьей по соседству живут. Врать не станут.

— Обуза, что и говорить.

— Точно. Родители его точно в канаве оставят, помяни мое слово.

«Выродок». «Чудовище».

Это слово Чан Я слышал слишком часто. Оно жгло изнутри, пробуждая старые обиды. Весь интерес к рассказу сказителя мгновенно испарился. Даже когда толпа взорвалась овациями на самом захватывающем моменте, Чан Я остался сидеть неподвижно, глядя в пустоту.

Его подавленность не укрылась от Цэнь Сяолу.

— Уходим? — тихо спросил он. — Если не хочешь слушать, нечего здесь сидеть.

— Да, — Чан Я кивнул и начал подниматься.

Но уйти спокойно не удалось. Группа мальчишек, из тех задир из Академии Минли, что вечно хвостом ходили за Фу Лоу, преградила им путь.

— О, гляньте-ка, это же Чан Я!

— Точно он. Всё такой же ряженный, — загоготал один из них.

Чан Я не хотел ввязываться в драку и попытался пройти мимо, не поднимая глаз.

— Эй, ты куда намылился? Мы с тобой разговариваем!

— Ошибся ты, — вмешался другой, толкая Чан Я в плечо. — С чего ты взял, что это человек? Это же уродец. Мелкое чудовище!

Раздался издевательский хохот. Сяолу сделал шаг вперед, и он выглядел настолько пугающе, что Чан Я тут же схватил его за руку.

— Не надо. Идем отсюда.

С тех пор как Цэнь Сяолу начал помогать с письмами-запросами, работа пошла вдвое быстрее. Он схватывал всё на лету и почти не ошибался, что заставляло Чан Я подтянуться, чтобы не выглядеть неумехой на фоне шиди.

В тот вечер они разбирали очередную стопку. Сяолу уже закончил свою часть, отложив несколько подходящих свитков. Чан Я же застыл над одним письмом, не в силах принять решение.

— Если сомневаешься, отдай наставнику, — не отрываясь от дел, бросил Сяолу.

— Нет... — Чан Я нахмурился. — По правилам, его нужно сжечь.

— Ну так брось в корзину.

Чан Я промолчал. Он перечитал письмо еще раз. Запрос пришел из Гэцинли — далекого края у самой границы, путь до которого из Округа Пинсюнь занял бы недели. Старая чета умоляла лекаря, призывающего дух, спасти их внука. Мальчик родился не таким, как все: огромная голова, слабое дыхание, жизнь в нем едва теплилась.

Сяолу взял письмо из рук брата, быстро пробежал его глазами и без колебаний положил в стопку на уничтожение.

— Ты забыл первый пункт правил? Мы принимаем тех, чья душа в смятении или разум затуманен. А тут — телесный недуг. Это работа для обычных лекарей, мы здесь бессильны.

Чан Я смотрел на свиток, который вот-вот должен был превратиться в пепел.

— Я знаю... Но вдруг причина в другом? Вдруг мы — его единственный шанс?

— Шанс может дать только доктор, а не мы, — отрезал Сяолу.

Чан Я выхватил письмо обратно.

— Давай пока оставим. Родители, видать, бросили его, раз старики сами помощи ищут. Может, Божественный лекарь Тань сможет что-то посоветовать? Мы могли бы отправить им ответ с его рецептом.

— Отдай деду. Пускай он решит.

Вечером Чан Фулянь проводил повторный отбор. Как Чан Я и боялся, дед безошибочно вытянул тот самый листок. Он не стал ругаться, лишь сухо велел сжечь всё, что не прошло проверку.

— Дедушка, ты читал это письмо? — Чан Я с надеждой протянул ему запрос из Гэцинли.

— Читал. В огонь его.

— Дедушка... — Чан Я закусил губу. — Можно я хотя бы покажу его дедушке Таню? Вдруг он знает, как лечить такое?

— Я-эр, — голос Чан Фуляня стал строгим. — Занимайся своим делом. Не лезь туда, куда не просят.

— Но ведь...

— Сяолу, — старик перебил внука, обращаясь к младшему. — Проследи, чтобы эти письма были уничтожены.

— Слушаюсь, наставник.

Когда дед ушел, Сяолу протянул руку за письмом. Чан Я сжал его в кулаке.

— Сяолу, не говори деду, ладно? Я припрячу его на время. Только спрошу у дедушки Таня, и сразу сожгу. Клянусь.

Сяолу нахмурился, собираясь возразить, но Чан Я не дал ему вставить и слова.

— Не бойся, если дедушка узнает — скажешь, что я тебя заставил. Пускай меня бьют, мне не привыкать. Но если я не узнаю правду, мне покоя не будет. Сердце не на месте. Пожалуйста, шиди!

Глядя в полные отчаяния глаза брата, Сяолу сдался.

— Ладно. Но избавляться от него будешь сам.

Чан Я просиял. Забыв о всякой осторожности, он порывисто обнял Сяолу за плечи и хлопнул по спине.

— Ты лучший, шиди!

Сяолу на мгновение замер, одеревенев от такой близости, но Чан Я этого даже не заметил.

На следующий день Цэнь Сяолу, возвращаясь из леса, столкнулся в дверях с Чан Я. Тот выходил из комнаты деда с таким понурым видом, что всё стало ясно без слов. Сяолу лишь молча прошел мимо.

Чан Я побрел к себе, чувствуя, как наваливается усталость. Поход в Медицинскую клинику рода Тань не принес утешения. Божественный лекарь лишь покачал головой: о такой болезни он и слыхом не слыхивал. Без очного осмотра он был бессилен, но честно предупредил — скорее всего, недуг врожденный и лечению не подлежит. Если уж великий Тань Цзиминь расписался в собственном бессилии, надежды не осталось.

«Вижу, старики совсем отчаялись, раз пишут так далеко, — вспомнил Чан Я последние слова доктора. — Судя по всему, родители ребенка умыли руки. Семье приходится туго. Если тебе и впрямь не всё равно, Чан Я, поезжай в Гэцинли. Может, делом помочь не сможешь, но поддержишь их чем иным. Путь неблизкий, зато это станет для тебя настоящим испытанием».

Слова доктора эхом отдавались в голове. Чан Я замер у окна. Если он решится на это путешествие... если он действительно поедет...

<http://bllate.org/book/17545/1714652>